

Йен Бэнкс

ДРУЖЕСТВЕННЫЙ ОГОНЬ

Планета снаружи была белая и синяя, светлая, исполинских размеров. Она вращалась, как и все планеты, но заметить это движение в нормальных условиях было невозможно. Ему просто казалось, что она движется — потому что двигалось место, где находился он сам. Место, где он пребывал, было отделено от планеты и двигалось. Оно располагалось над поверхностью планеты — и двигалось само по себе. Это место, где он сейчас оказался, звалось Зброшенной Космофабрикой. Он был там с определенным заданием: ему следовало дождаться появления врага, а затем вступить в бой. Такова была его функция: сражаться. Он так был сконструирован. Вернее, то, чем он был, та вещь, внутри которой он сейчас находился, была сконструирована для битвы.

То, внутри чего он пребывал, было вещью, но он не был вещью. Он был собой самим. Человеком. Или, во всяком случае, был им не так давно.

Он все еще был тем, кем был всегда, но при этом по крайней мере отчасти находился внутри этой штуки. Внутри машины, которая была разработана и построена, чтобы сражаться и, возможно, пасть в бою. Но к нему это не относилось. Он не пострадает. Он не будет разрушен. Он был тем, кем был всегда. Он был собой самим.

Ибо он одновременно находился где-то еще. В месте, куда он попадет, когда проснется: когда эта штука, где он заточен, будет разрушена.

Вот как это работает.

Ватуэйль? Капитан Ватуэйль?

Они вновь заговорили с ним.

"Мы проигрываем", — подумал он, припомнив последние тактические сводки. Впрочем, они вряд ли бы ему пригодились. Достаточно было несколько отстраниться от всего происходящего, перейти в режим повторной перемотки событий от самого начала войны. И он бы увидел прямо перед собой, как вся она записывается сызнова.

Они пережили несколько ранних катастрофических поражений, но затем достигли определенных успехов. После этого их вновь крепко потрепали. Они вновь объединились и, как ему тогда казалось, перехватили инициативу на всех фронтах — только чтобы обнаружить, что это не настоящие фронты. То, что они принимали за таковые, — вернее, места, где его соратники вроде бы имели численное преимущество и побеждали, — оказалось подобием картинок, намалеванных на поверхности воздушного шарика. Шарик уже лопнул, но у них не было времени даже услышать его Большой Взрыв. Они продвигались в том направлении, в каком неслись жалкие ошметки взорванного шарика. Без какой-либо надежды, без всякой пользы, как шрапнель слишком мелкого калибра.

Он сидел — или, может быть, плавал, называйте это состояние как вам угодно — в Рабочем Пространстве Первичной Стратегической Оценки (таково было его полное формальное наименование), в окружении других членов Великого Военного Совета. Совет состоял по большей части из его товарищей, друзей, коллег и уважаемых соперников. Там было также минимально необходимое число оппонентов и трусливых поборников оборонительной тактики. Но даже

эти люди умели тактично и продуманно аргументировать свои позиции и вносили определенный вклад в достижение консенсуса. Люди или инопланетяне, кем бы они ни были — он знал всех их как облупленных. Знал так досконально, как только мог, и все же ощущал неимоверное одиночество.

Он огляделся. Для ситуации, в которой они сейчас оказались, не существовало точной аналогии в Реальности. Это выглядело так, словно все они парили вокруг некоего тела приближенно сферической формы и нескольких метров в диаметре. Снаружи поверхность сферы казалась матовой и твердой, но сквозь нее можно было просунуть голову, располагая соответствующей степенью допуска и имея достаточно высокий военный ранг. Прodelав это, вы оказались бы там, где вам полагалось быть, среди бестелесных голов, там и сям выныривавших из дымки — немногие из этих голов принадлежали людям. В центре обычно парил сферический экран. Сейчас он показывал картинку какого-то участка общего поля боя; то было древнее на вид, псевдоРеалистичное пространство, кишевшее маленькими юркими ракетными кораблями, несущими на борту ядерные боеголовки. Лучеметы и электромагнитные рельсопушки ездили по поверхности каждого из нескольких миллионов астероидов, образующих кольцо вокруг солнца, обменивались залпами частиц и снопами лучей. Он видел такие боевые симуляторы и раньше. Многие люди, воевавшие там, несли частичку его собственной личности. Иногда же очередная версия загружалась и в машины.

Его коллеги, насколько можно было судить, как раз обсуждали какие-то якобы стратегические детали этой частной симуляции, давно уже переставшей его интересовать. Он предоставил им работу над ней и вернулся к собственным раздумьям и внутренним визуализациям. "Мы близки к поражению", — подумалось ему вновь. — "Это Война в Небесах, и мы проигрываем ее".

Действительно, то была Война в Небесах. Война за Послежизнь, если быть вполне точным. Но с тем же успехом ее можно было назвать Войной за Преисподнюю.

Ватуэйль? Капитан Ватуэйль?

Это было его имя, но он не мог ответить. Не должен был. Ему так не приказывали. А когда тебе приказывают, это значит только одно — что ты должен поступать так, как тебе сказали.

Ты меня слышишь?

Да, он слышал. Но по-прежнему не мог ответить.

Ватуэйль! Докладывайте обстановку! Это прямой приказ!

Это его удивило. Если это и в самом деле приказ... надо подчиниться. Но ведь ему приказывали не выполнять ничьих приказаний, пока не явится Супервайзер, тот, кто располагает верными кодами. Следовательно, то, что он только что услышал, на самом деле вообще не было приказом как таковым. Он был смущен.

Ему хотелось только одного — не слышать больше того, что ему говорили. Он мог этого добиться, просто отключив все коммуникационные линии. Но он должен был их прослушивать, потому что ему надо было отслеживать перемещения *всех прочих*. И снова он оказался в затруднении.

Он заставил ту штуку, в которой находился, проверить оружие, измерить боезапас и степень разрядки батарей, считать показания энергоячеек, затем отфильтровать помехи и еще раз проделать общую диагностику. Это его успокаивало. Занимаясь всем этим, он чувствовал, как ему становится лучше. Занимаясь

всем этим, он почувствовал, как ему стало совсем хорошо.

Он тебя не слышит. Это сказал другой голос.

Техники утверждают, что он способен нас слышать. И тебя в том числе. Так что выбирай выражения.

Мы можем перейти на выделенный канал? (Еще один голос.)

Нет. Мы вынуждены считаться с возможностью, что он тоже получил к ним доступ. Так что выбирай выражения, если только не хочешь получить по башке или вовсе сыграть в ящик.

Че-то я не втыкаю. (Другой голос.)

Он не имел ни малейшего понятия, куда и что нужно воткнуть.

Ватуэйль? Слушай меня. Говорит майор К'Найва. Ты знаешь меня. Ватуэйль, ну же, вспоминай. Ты должен меня помнить.

Но он не помнил никакого майора К'Найвы. Он вообще мало что помнил. Конечно, он должен был что-то знать обо всем этом, но не знал. Он чувствовал крайнее опустошение. Как если бы полез за новой обложкой, полагая, что та полна патронов, — в конце концов, он же сам ее проверял при разворачивании! — но она вдруг оказалась пустой.

Ватуэйль, сынок, послушай меня. У тебя проблемы. Ты не до конца загрузился. Ты в системе, но не до конца. Часть тебя отсутствует. Ты это понимаешь? Сынок! Поговори со мной. Давай же.

Какая-то часть его личности хотела поговорить с голосом майора К'Найвы. Но он не позволил ей этого сделать. Майор К'Найва не мог быть Супервайзером. Сигнал, передававший его слова, не содержал кодов, которые бы удостоверяли связь с Супервайзером.

Сынок, дай знак, что ты меня слышишь. Сделай что-нибудь...

Он не знал, какие именно коды могут удостоверить присутствие Супервайзера. Это могло показаться странным.

Однако он был уверен, что узнает его, когда услышит.

Ватуэйль, мы знаем, что тебя перенесли сюда, но процедура не сработала так, как надо. Поэтому ты и сражаешься сам за себя, а не на нашей стороне. Ты должен прекратить это и перейти к нам. Ты понял?

Он не понял. Он на самом деле не понял. В том смысле, что он мог понять значение каждого услышанного слова, проанализировать сочетания, в которых они выступали, но все это не имело никакого смысла. Он игнорировал их, поскольку люди, произносившие их, не обладали полномочиями Супервайзеров и не могли предоставить ему нужные коды.

Поэтому он на всякий случай проверил свое оружие еще раз.

Затем он отвернулся от экрана и перестал обращать на него внимание. Вместо этого, удостоверившись, что текущая степень воплощения обеспечивает долговременное *присутствие духа*, он стал наблюдать за всем театром военных действий. Война развернулась внутри его сознания, запустилась в режиме быстрой перемотки, эпизод за эпизодом, и тогда он сосредоточил внимание на различных аспектах общей ситуации, отслеживая, как они меняются от итерации к итерации. Конечно, все это было немного похоже на симы. С тем исключением, что в каждой точке бифуркации, после которой все становилось только хуже, симы неизменно давали иной, более оптимистичный прогноз на дальнейшее развитие событий. Войны, симуляцией которых занимались в реальном мире, протекали

сходным образом, но, поскольку они разыгрывались не где-нибудь, а в суматошной и хаотичной физической Реальности, то ирония, присущая этой войне, им не была свойственна, ведь доподлинная война, конфликт, моделированием которого они тут занимались, могла стать сколь угодно долгой, сложной, непредсказуемой и запутанной, как и все в Реальности. Но все равно это была бы симуляция. Такая же, как и все. Как те, что они использовали, планируя войну.

Просто она была куда больших размеров. Гораздо больших, чем все, что они когда-либо принимали во внимание. И так реальна, как только могла быть.

Это и была война, в которой они терпели поражение. Это означало, что, если все было всерьез, если они и впрямь собрались совершить то, что и сейчас пытаются выполнить, то пора подумать о том, как бы победить не силой, а хитростью. Смошенничать. А если эта выходка не возымеет успеха, останется — вопреки всем условиям, обычаям, конвенциям и законам, вопреки молчаливым договоренностям и соглашениям — последнее убежище.

Реальность.

Самое грандиозное мошенничество... "Как, черт побери, мы только ввязались во все это?" — спросил он себя, заранее зная ответ. Как и все. Все всё знали — и всегда знали ответы на все вопросы. Правда, враг знал их лучше.

Никто не знал, впрочем, при каких обстоятельствах впервые стало возможным переписывание личности эволюционировавшего естественным образом разумного существа на внешний носитель. Разные виды приписывали эту заслугу своим предкам, но лишь немногие могли предоставить хоть сколько-нибудь правдоподобные доказательства, и ни один — исчерпывающие. Технология эта просто существовала повсеместно, в течение миллиардов лет, и ее то и дело радостно переоткрывали где-нибудь в вечно крутящемся вихре энергии, материи, информации и разумной жизни, который назывался Галактикой.

И, конечно, столь же постоянно утрачивали.

Ее забывали, когда цивилизации-инженеры оказывались в неподходящем месте в неподходящее время — скажем, принимали на себя удар гамма-всплеска или переживали визит недружелюбно настроенных соседей. Другие же неудачники случайно — или, напротив, в соответствии со своими извращенными замыслами — уничтожали себя, а то и родной дом, огнем, ядом или каким-то иным удобным способом. Но как бы там ни было, суть вещей оставалась неизменна. Додумались ли вы до этого сами либо же позаимствовали идею у кого-то еще — как только копирование разума становилось возможным, все вы почти сразу начинали более или менее настойчивые, в зависимости от культурного контекста и мотивации, попытки воплотить собственную религию в Реальность.

Ватуэйль, мы и так уже выбились из графика, сынок. Нам надо двигаться. Ты должен сдать, ты понял? Ты должен отключить от сети свои... так, дай-ка я посмотрю... модули селекции целей, активного сопротивления и развертывания орудий. Справишься? Как думаешь? Мы не хотели бы атаковать... мы не хотели бы внедряться туда силой и воевать с тобой, точно со своим врагом.

Сэр. (Еще какой-то другой голос. Проще будет присвоить им номера.)

Он ведь не может быть мертв? (Другой голос № 2.)

Да нет, конечно. Может, Сягао попробует его достать. (Другой голос №

3.)

Из этого самострельного карабина, что ли? Да ему пукнуть достаточно, и он ему руку и обе ноги сожжет в головешки. Вы бы хоть на спецификации этой херни поглядели... (Другой голос № 1.)

Он не мертв. Он не может быть мертв. Он там, и он слышит все наши переговоры.

Сэр. (Другой голос № 4.)

Ну что еще?

Сэр, Сягао мертв. (Другой голос № 4.)

Дерьмо собачье! Ладно. Ватуэйль, слушай меня: у нас уже один убитый. Ты понял? Это ты его убил, Ватуэйль. Ты снял наш ВТ и уже прикончил одного из нас. ВТ, по всей видимости, означало Военный Транспорт. Никто тебя за это не накажет. Мы понимаем, что это не твоя ошибка. Но тебе надо сложить оружие сейчас, пока ты не натворил чего похуже. Нам бы не хотелось лезть туда и обезоруживать тебя самим.

Да вы че, блядь, сдурели, недоумки? Нас семеро в автономных скафандрах против гребаного роботанка! У нас нет ни единого ша... (Другой голос № 1.)

Ты не был бы так любезен заткнуться? Тебе слова не давали. Еще пикнешь, и я тебя пошлю в атаку. Впрочем, так уж и быть, считай, что я тебя уже туда назначил. Эта штука тебя слышит, ты, гребанный мудила, и ты ей выдаешь все данные о нашем состоянии. Так что, если мы примемся атаковать, я обязательно пошлю тебя вперед, умник херов.

Вот бля. (Другой голос № 1. Он решил называть его Умником.)

Заткнись. Ватуэйль?

Семеро. Их было семеро. Это полезная информация.

Почти у каждого развитого вида живых существ имелась своя версия мифа о сотворении, погребенная где-то под спудом прошедших эпох, и уже к тому времени, когда они только-только выходили в космос, она считалась не более чем ветхой пустышкой (хотя, стоило бы заметить, кто-то всегда был этим недоволен). Ведь сказочки о том, как грозовое облако вступило в брак с солнцем, как старые одинокие садисты изобрели новые игрушки, чтобы чем-то себя занять, как из икры большой рыбы родились звезды, планеты, луны и даже вы сами, единственные и неповторимые Люди, — или любые другие идиотские истории, пришедшие на (воспаленный) ум безымянному энтузиасту, который некогда задался такими вопросами в первый раз, — хороши до поры до времени. Они, конечно, служат надежным признаком того, что вы всерьез озадачились поиском объяснений, как все вокруг устроено, и сделали первый шаг на пути к системе верований, которая действительно работает и даже творит чудеса: науку, здравый смысл и технологию.

Большинство видов, кроме того, способны разработать эдакий метафизический фреймворк, что-то вроде грубого раннего наброска схемы, по которой работает все вокруг на фундаментальном уровне, — и много позже его будут называть философией, порядком жизни или Истинной Религией, особенно если удастся вовремя вернуть указание на метафорический характер такой системы концепций. А мнила ли она себя в действительности средоточием истин, особого значения иметь не будет. Чем круче лестница развития, по которой разумные существа карабкаются или даже едут на (допустим) одном колесе, взбираясь из первобытной слизи на рассвете бытия к тому, что и впрямь достойно их имени

— к вечному полдню, где летают звездолеты и бьют ключами неисчерпаемые источники энергии, где побеждаются узы гравитации и все болезни, даже сама старость, где люди и ИскИны трудятся бок о бок... тем вероятнее, что где-то в довольно важной точке их истории у них сформируется идея бессмертия души и что они пронесут ее с собой до тех пор, пока окончательно не выберутся из говна и перейдут к той фазе, когда цивилизация уже существует для собственного удовольствия.

Большинство существ, способных к построению такой концепции, крайне высокого о себе мнения, а многие индивиды-представители этих жизненных форм склонны полагать вопросом чрезвычайной важности свое собственное выживание. Сталкиваясь с неминуемыми тяготами и неудобствами обычной, кажущейся им примитивной, жизни, они — если только не уродились черными ипохондриками, достойными восхищения стойками либо просто тупыми чурбанами, — с готовностью приходят к точке зрения, что вся эта грустная, глупая, короткая и ужасающая жизнь не может исчерпывать все возможности для их существования и что, несомненно, после смерти всех и каждого — что требует выработки определенных требований к кандидатам — ожидает жизнь лучшая и более счастливая.

И нет ничего удивительного в том, что идея души — в большинстве случаев, хотя и не всегда, бессмертной по природе, — довольно часто присутствует в культурно-доктринальном багаже людей, дебютирующих на галактической арене. Даже если ваша цивилизация по каким-то причинам не выработала такой концепции, она возникает будто бы сама собой, стоит вам получить средства точной записи динамического состояния чьего-нибудь разума и выгрузки его либо в мозг другого тела, либо же в искусственный субстрат, в последнем случае — с необходимым масштабированием, но без потери качества.

Ватуэйль? Капитан Ватуэйль? Я приказываю вам ответить! Ватуэйль, немедленно доложите о себе!

Он слушал, но не обращал внимания. Всякий раз, как слова, сказанные голосом, что называл себя майором К'Найвой, вызывали в нем разочарование или боль, он ограничивался очередной проверкой оружия и всех остальных систем.

Ну ладно. Мы и так потеряли время. И всякое сочувствие, думаю, тоже.

Ему становилось лучше, когда он смотрел на проход, ведущий к этому месту. Проход был большой, с закругленными сводами. Место, где он был, — где пребывала сейчас та штука, которой он был, — имело размеры $123.3 \times 61.6 \times 20.5$ метров и соединялось с вакуумом через большой проход с искривленными сводами, переходившими в невысокие стены. В этом месте без видимого порядка громоздилось какое-то оборудование. Его точных функций он выяснить не смог, но быстро сообразил, что угрозы оно не представляет. Напротив, он мог бы использовать его для защиты, если бы пожелал.

Пойдем туда и выкурим его.

Вот блядь. (Другой голос № 5.)

Чудненько. Самый подходящий денек для такого. (Другой голос № 6.)

Самый подходящий, чтобы дохнуть. (Умник.)

Сэр, а нельзя ли подождать, пока... (Другой голос № 2.)

Мы не собираемся подышать там. Но у нас нет времени ждать, пока появится еще какая-нибудь тварь. Вы все, держите себя в руках. Мы сами с

этим справимся. Помните тренировки? Вот за этим они и были вам нужны.

Тренировки никогда не были такими насыщенными, сэр. (Умник.)

Я не уверен, что это та самая точка. Я, кажется, попал в какое-то место, которое называется НСМЕ. Я, честно, понятия не имею, что это значит. (Другой голос № 4.)

Блядь, блядь, блядь, блядь! (Другой голос № 5.)

Мэнин? Заткнись, сынок, будь добр. Все вы, закрыли рты.

Сэр... (Итак, другой голос № 5 — это Мэнин.)

Галтон, эта ваша штука в состоянии вырубить ублюдка?

Разумеется, сэр. Я уж думал, вы не спросите, сэр. (Другой голос № 6. Это Галтон.)

Неопознанные Враги, чьи переговоры он сейчас слышал, пока что находились за пределами Заброшенной Космофабрики. Первый из них, правда, уже пытался преодолеть большой проход с закругленным сводом и попасть в место, где сейчас находился он сам. Наверное, его и звали Сягао, потому что сейчас этот человек был мертв.

Ладно. Действуем по плану. Вы все, произвести обратное развертывание в моем направлении, выйти из его ПЗ. Тогда мы сможем переговариваться по лазеру, чтобы этот кусок говна не подслушивал нас.

ПЗ означало Поле Зрения.

Силуэт Сягао возник на фоне кусочка огромной бело-синей планеты, с трудом различимого через большой проход с искривленными сводами. Ватуэйль поймал силуэт на мушку менее чем через миллисекунду, получив импульс от системы контроля аномальных перемещений в поле зрения. Однако он не стал стрелять сразу. Он дождался, пока медленно двигавшаяся фигура наведет оружие на него самого. После этого он послал фигуре идентификационный позывной и одновременно высветил ее лазерным импульсом. Фигура принялась стрелять в него из малокалиберного кинетического оружия.

Он подсчитал, что в Неопознанный Объект Высокой Плотности, за которым он соорудил себе укрытие, попало девять пуль. Еще две угодили в его Верхнюю Кабину, не причинив особого вреда. Четыре или пять пролетели под Объектом, срикошетировав о его ноги.

Он нанес ответный удар. Шесть выстрелов из Правой Верхней Лазерной Винтовки.

Он отметил, что все выстрелы достигли цели. Было успешно обезврежено оружие, в которое он и метил. Еще два выстрела поразили нижнюю часть тела фигуры. Фигура завалилась куда-то назад и пропала из виду, хотя один из ее фрагментов, который он идентифицировал как человеческую ногу в силовой броне, отлетела в другом направлении, вращаясь вокруг своей оси. Из нее текли струйки жидкости. Импульс был так силен, что нога кувыркалась, отдаляясь в сторону большой бело-синей планеты, видимой сквозь проход с закругленным сводом, и даже сделала что-то вроде сальто.

Сягао хоть успел выполнить СФЦ, прежде чем этот подонок его снял? (Другой голос № 3. СФЦ означало Селекцию Фиксированных Целей.)

Ага. Перешли, когда найдешь общее ПЗ. (Другой голос № 2.)

Он чувствовал себя хорошо. Он всегда чувствовал себя хорошо, когда стрелял, выцеливал, устранял Угрозу. Да и в том, как кувыркалась эта оторванная

нога — то, как она уплывала прочь, как постепенно искривлялась ее траектория, прежде чем она окончательно скрылась из виду, — тоже было что-то хорошее.

Эй, а эта штука пинговала Сягао перед атакой, кто-то знает? (Умник.)

Вот, держи-ка. Глянь. (Другой голос № 2.)

Заткнитесь и возвращайтесь туда, где были. Если я вас слышу, то и эта тварь — тоже.

Сэр. (Другой голос № 2.)

Да нет, все в порядке. Мы можем пинговать. (Умник.)

А, и еще она его отИСЧсила. (Другой голос № 2.)

Правда? Вот приколы. (Умник.)

Он пересмотрел сводку данных о стычке с Сягао и внес две немедленных Поправки в Условия Тактического Развертывания, Требующих Немедленной Коррекции Поведенческих Шаблонов. А именно, он отключил автоматический обмен позывными системы ИСЧ и ограничитель начальной интенсивности лазерного импульса.

Когда раса или цивилизация начинает обмениваться идеями с галактическими соседями, копирование разума и его вставка в новое место становятся повседневным занятием. Как следствие, индивид может последовательно, а то и в конкурирующем режиме контролировать много разных тел, хотя, стоит только технике оставить позади этап прототипов, как одно из них постепенно обретает статус излюбленного, хотя бы потому, что лучше сидит. Некоторые цивилизации пытались использовать эту технологию только для резервного копирования личности, и представители их переселялись в заблаговременно выращенные тела только тогда, когда уже пахло жареным. Такие культуры рано или поздно сталкивались с проблемами — как краткосрочными, когда размножение еще шло своим чередом, так и более деликатными долгосрочными, когда рост популяции приходилось ограничивать до такой степени, что общество впадало почти в стагнацию.

Всегда существовал, впрочем, иллюзорный хрупкий идеал — идеал непрерывного, ничем не ограниченного роста. О нем каждый разумный вид задумывается, насколько можно судить, лишь в том случае, если наделен достаточной изобретательностью. Правда, любая попытка внедрить такой режим очень быстро сталкивалась с ужасающей действительностью: окружающие области Галактики и, вероятно, вся остальная Вселенная уже обитаемы, используются, размечены, распланированы, охраняются обычаями или каким-то общим соглашением. Давний рецепт разрешения проблемы включал раздражающе жесткие правила, которыми старшие цивилизации и основные игроки галактической арены поверяли требования и реальные нужды новых видов (довольно часто это приводило к ответной политике в стиле *Мы не рабы, рабы не мы*, но в каждом случае она оказывалась на редкость недалёковидной). Сулившая вроде бы чудесные перспективы идея заполнить всю Вселенную своими копиями была отнюдь не новой — равнодушные люди и тщеславные механизмы занимались этим от начала времен. Но она всегда и при любых условиях быстро изживала себя.

Вполне обычная, принимая во внимание, какой ошеломляющий объем коллективного опыта может быть загружен в Виртуальную Реальность вообще и Послежизнь в частности, альтернатива была такова: люди приходили к более умеренным и согласованным с соседями планам размножения в Реальности и

более смелым программам хотя и экстенсивного, но все же в конечном счете, ограниченного роста в Виртуальности.

Те, кто только-только развил ставшую краеугольным камнем всех этих планов технологию записи душ, часто приобретали навязчивое пристрастие к жизни в виртуальных пространствах. Технология копирования разума почти всегда вела к переходу технологии Виртуальной Реальности на все более впечатляющие уровни детализации и разрешающей способности, даже если эта последняя по каким-то причинам и не была в почете прежде. Они дополняли друг друга и были немыслимы друг без друга.

Лишь немногие виды оставались в стороне от шумихи с этими технологиями душепереноса, то ли по причинам, коренившимся в их культурном наследии, то ли оттого, что они уже выработали какую-то устраивавшую их замену, то ли по специфическим религиозно-философским соображениям. Некоторые же — большинство — интересовались возможностью достижения полного бессмертия в базовой Реальности и рассматривали перенос разумов как отклонение или извращение, полагая, что тем самым признают поражение.

Разумеется, в любом обществе, где известна технология перезаписи душ, всегда остается прослойка крепких орешков, которые так настойчивы в своих верованиях, так непоколебимо убеждены, что лишь загробная жизнь стоит мирских забот, независимо от того, куда они попадут — на небеса или в ад, в которые они верили, прежде чем внедрились это бессмысленное нововведение. Стоит заметить, что, хотя мнение это и отличалось завидной живучестью, где-то в дальнем углу сознания всегда таилась мысль о том, что ты-то уж точно не получишь резервной копии, а вот кто-то еще просто вставит себе в голову хитрое маленькое устройство и будет таков.

Вследствие этого великое множество цивилизаций великой Галактики обзавелось собственными вариантами Послежизни. То были виртуальные реальности, функционирование которых обеспечивали как обычные вычислительные, так и другие субстраты, которые могли занять и — хотя бы в каком-то смысле — населять их дорогие мертвецы.

Теперь я вас вижу, сэр. (Мэнин.)

Ладно, пехота, специально для вас — космические бисквиты. Выйди в ПЗ.

Сэр, простите. Я хотел сказать, что... (Мэнин.)

Мгновение тишины. Ватуэйль наблюдал за большим фрагментом панорамы светлой бело-синей планеты сквозь проход с закругленным сводом. Неопознанные Враги сидели тихо. Тот участок поверхности, на который он сейчас смотрел, менялся исподволь. Он отмотал запись к моменту передислокации на текущую позицию и еще раз проследил, как именно изменилась панорама. Затем вычел из картинки фоновое движение того места, где находился он сам. Место, куда он попал, тоже двигалось в пространстве. Оно вращалось. Правда, оно вращалось так медленно и равномерно, что создаваемую им компоненту было очень легко вычестить из данных. Теперь он видел, как медленно вращается сама планета. Белые полосы и вихри, крутившиеся на синем фоне, тоже менялись, но еще медленнее. Некоторые полосы уширялись, а некоторые укорачивались, вихри вращались вокруг осей, одновременно перемещаясь по лику планеты. В каком-то смысле они были обязаны ей своим вращением. Он воспроизвел запись всех этих движений еще и еще раз. Ему стало хорошо. Ощущение это отличалось от

испытанных им при проверке орудий. Но тогда ему тоже было хорошо. То же, что он испытал сейчас, напоминало ощущения, испытанные в тот миг, когда нога Сягао удалилась в сторону планеты. Тогда ему было хорошо. А в особенности хорошо ему стало, когда он понял, по какой именно криволинейной траектории движется нога. Траектория эта была прекрасна.

Прекрасна.

Он обдумал это слово и счел его самым подходящим.

Некоторые Послежизни были сущим раем для свежеепеченных мертвецов. Там предлагались бесконечные увеселения, секс, приключения, спортивные состязания, игры, исследования, покупки, охота и вообще любые виды деятельности, наиболее приятные представителям того или иного вида. Другие Послежизни были сконструированы так, чтобы живые могли получать от мертвых все, что те могли им дать. Эти пространства обеспечивали обществам, в которых издавна (или с недавних пор) было принято советоваться с предками, все условия для практической реализации такой идеи.

Существовали Послежизни и для тех, кто предпочитал созерцание и философствование безудержному веселью, но такие пространства были редки. Некоторые пространства — и в их числе, как правило, Послежизни, заселявшиеся первыми, — были предназначены не для обычной загробной жизни, но для постепенного растворения личности покойника в общем потоке информации и этоса, загруженных в Виртуальность. Процесс этот был неспешен и обычно занимал много поколений реального времени.

Были и такие пространства, где мертвецы жили в куда более быстром темпе, чем обитатели Реальности, а в других — с той же скоростью, в остальных же — как правило — куда медленнее. Некоторые виды даже изыскивали возможность вернуть наиболее почитаемых мертвецов обратно к жизни. А многие предпочитали смерть. Вторую, последнюю, абсолютную смерть, смерть внутри Виртуальности. Ибо немногие индивиды в небольшом числе естественных жизненных форм оказались способны или проявляли желание жить вечно. Те, кто оставался в Послежизни достаточно долго, в конце концов теряли вкус к такому существованию и часто впадали если не в кататонию, так в полное безумие. И цивилизации, для которых такая игра была в новинку, часто испытывали шок, услышав от возлюбленных мертвецов отчаянные мольбы подвергнуть их настоящей, окончательной смерти, — вопли о пощаде, исходившие из дорогостоящих, сложных в сервисном обслуживании, тщательно защищенных от вторжений извне и снабженных всеми мыслимыми средствами резервного копирования Послежизней. Хитрость заключалась в том, чтобы отнестись к таким мольбам как чему-то вполне естественному и оставить мертвых в покое. Пускай сами разберутся.

Ему захотелось остаться там, где он находился, надолго, и все смотреть на планету за проходом с закругленными сводами. Потом он мог бы воспроизвести запись снова и снова. Увидеть эту прекрасную планету еще и еще раз было бы так же хорошо, как и впервые. Даже лучше. Увидеть же остальные участки поверхности было бы еще лучше. А что говорить обо всей планете. Лучше всего было бы обозреть ее целиком.

Но он понял, что ему стало не по себе.

Он сперва не понял, в чем причина такого дискомфорта, однако потом сооб-

разил: он остается на одном месте слишком долго, а Повторного Нападения все не происходит.

Он подумал, как поступить дальше. Никаких движений в поле зрения не было. Ничто не менялось. Возможно, передвижения теперь безопасны.

Он попытался опросить свои удаленные забортные датчики на этот счет, но не получил ответа. Таких датчиков больше не было. У него должно было быть несколько таких датчиков. Везде, где бы он ни очутился. Но их не было.

Как если бы еще одна обойма оказалась пуста, хотя он и считал ее заряженной.

Ну что же, поступаем в согласии с иной веткой дерева решений.

Он тихо приподнялся на трех выдвижных ногах, сенсоры сканировали все вокруг, пока его Верхний Сенсорный Купол перемещался в пространстве под потолком помещения (при этом расстояние до крыши сократилось с 18.3 до 14.2 метров), и поле зрения расширилось. Он нацелил обе Главные Оружейные Кабины на проход с закругленными сводами. Все шесть Вторичных взяли под контроль остававшееся неохваченным пространство — не было нужды специально отдавать такую команду. Он повернул Верхнее Орудийное Кольцо так, чтобы из Кабины № 2 простреливалось пространство прямо впереди, откуда, по предварительной оценке, исходила наименьшая опасность, хотя именно там он прежде потратил некоторое количество энергии и понес (по большей части номинальный) ущерб.

Сенсоры по-прежнему не фиксировали никаких угроз. Он переместил себя над Неопознанным Объектом Высокой Плотности, а затем вправо и вперед, к тому самому проходу с закругленными сводами, через который открывался вид на светлую бело-синюю планету.

Он двигался тихо, на скорости ниже оптимальной, а потому ноги его, касаясь пола, вызывали там минимально возможное сотрясение. Часть пола отсутствовала, вместо нее зияла длинная дыра с зазубренными краями, и в этом месте он выдвинул одну из Вторичных в сторону, чтобы сохранить равновесие. Перед ним виднелись Неопознанные Объекты Средней Плотности. Некоторые из них были космическими и космоатмосферными летательными аппаратами. Это означало, что он находится в ангаре. Многие летательные аппараты оказались хаотичными, асимметричными, поврежденными, непригодными к полету.

Он видел еще один Неопознанный Объект Высокой Плотности вблизи прохода с закругленными сводами. Он направился туда. Теперь он видел планету с большей детализацией. Это зрелище было прекрасным. Все еще прекрасным.

Он почувствовал себя очень хорошо.

Внезапно он зафиксировал какое-то движение на светлом бело-синем лике планеты.

Никто не знал, в чью маленькую просветленную душу впервые запала идея наладить связь между двумя Послежизнями, но, поскольку развивающиеся цивилизации обычно с превеликой охотой делились содержимым баз данных и информационных пространств со своими соседями, такие линии связи функционировали постоянно, обладали высокой пропускной способностью, изготавливались в отличном качестве и не требовали специальной платы за подключение. Так что, наверное, этого просто не могло не произойти. Не случайно, так по чьей-то воле.

Мертвые в обеих цивилизациях нашли это отличной идеей. Она открывала неожиданные дополнительные возможности для посмертного опыта и позволяла ушедшим сосредоточиться на чем-то более достойном их внимания, чем по необходимости вторичные и прискорбно краткие события внешней жизни. Связывать в сеть все программно совместимые Послежизни стало чем-то вроде мании. Прежде чем ответственные за это ученые успели оценить по достоинству культурный масштаб явления и его последствия, почти каждый уголок цивилизованной Галактики уже был связан со всеми остальными сетью Послежизней, как, впрочем, и многими другими сетями: дипломатических отношений, туризма, торговли да и всех остальных интересов. Сеть Послежизней существовала в Галактике уже миллионы лет, почти независимая от Реальности и подверженная непрерывным переменам. Она развивалась по тем же законам, что и галактическое сообщество в Реальности: там зарождались, развивались, переходили в стационарную фазу или исчезали, а иногда — изменялись до неузнаваемости целые цивилизации. Они приходили в упадок, брались за старое... или возносились до божественных высот, разом оставляли позади все материальное, устремляясь к лишенному забот безразличию Сублимации.

И очень немногие помнили, что существует еще и Преисподняя.

Движущийся объект был довольно маленьким. Слишком маленьким, чтобы принять его за человека в силовой броне или даже за удаленный заборный датчик, кому бы тот ни принадлежал — ему самому или кому-то еще. Объект двигался со скоростью 38.93 метров в секунду — слишком медленно, чтобы принять его за кинетическое орудие. Размеры его составляли приблизительно 3×11 сантиметров. Он был круглый в поперечном сечении, но одна из условных верхних четвертушек оканчивалась коническим выступом. Объект вращался. Он пришел к выводу, что объект представляет собой 32-миллиметровую осколочную мину.

Об этом роде оружия у него было достаточно информации.

Кроме того, объект мог оказаться и миниатюрной боеголовкой с максимальным взрывным эквивалентом вплоть до 5 килотонн, но такой вариант он считал маловероятным.

Объект, по всей вероятности, должен был пролететь к месту его нынешнего расположения и затем взорваться, причинив значительный ущерб опорной стене и конструкциям ангара позади.

Когда его высокочувствительный видеосенсор сфокусировался на объекте, он увидел, что поверхность этой штуки, в свою очередь, покрыта небольшими сенсорами. Сенсоры перемещались по окружности объекта и слабо мерцали по мере его вращения (4.2 оборота в секунду). Пролетев мимо него и замерев на расстоянии пяти метров, объект весь засверкал таким мерцающим светом. Это значило, что объект излучает высокоэнергетические и сканирующие лазерные импульсы. Ни один импульс не задел его, поскольку объект выбрал неверную линию сканирования перед тем, как активировать лазерную установку.

Он все еще двигался, каждый раз тихо перемещаясь только на один шаг вдоль направляющей в темном пространстве ангара. Он решил, что поведение круглого объекта может свидетельствовать о начале атаки. В таком случае наиболее разумно будет занять позицию именно здесь, в пяти шагах от Неопознанного Объекта Высокой Плотности, который он избрал своим первоначальным прикрытием, а вместо этого Объекта использовать Неопознанный Объект Сред-

ней Плотности, перед которым он сейчас находился. Объект Средней Плотности обеспечивал лишь частичное прикрытие, но располагался ближе. Дополнительное преимущество новой тактики, если верить выводам подпрограммы, состояло в том, что его форма, рамеры и общее поведение в такой позиции придали бы ему сходство с вышеупомянутым Неопознанным Объектом Средней Плотности. Означенный Объект, между прочим, оказался ничем иным, как небольшим, существенно поврежденным, но все еще способным к полету Высокоатмосферным и Низкоорбитальным Планетарным Бомбардировщиком. Эти выводы о приобретении дополнительного тактического преимущества произвели на него очень хорошее впечатление. Они мало чем отличались от приказа, который он мог бы получить *изнутри*. Он решил перейти именно к этой тактике и занял предварительно рассчитанную позицию, согнув выдвижные ноги.

Экспертная подсистема выдвинула гипотезу, что осколочная мина сработает в том месте, где он находился прежде. Это могло стать дополнительным преимуществом. Такие выводы тоже производили хорошее впечатление. Осколочная мина двигалась так медленно, что у него было полно времени развернуть левую Верхнюю Лазерную Винтовку по направляющим и расположиться так, чтобы минимизировать возможный ущерб от взрыва круглого вращающегося объекта, на случай, если тот все же окажется миниатюрной боеголовкой. Когда объект перелетел точно к тому месту, где он находился, он четырежды выстрелил по его тыльной части в низкоэнергетическом режиме. Премахов он не допустил и почувствовал себя очень хорошо. Он имел основания быть довольным собой. Он вернул лазерную винтовку на место. После этого круглый объект, который он принял было за осколочную мину, взорвался, и оказалось, что это все же была миниатюрная боеголовка.

Преисподняя существовала, поскольку существовали устойчивые верования, связанные с нею. И некоторые общества во многом зиждились на таких верованиях, не будучи даже необычайно религиозными в строгом смысле слова. Находились и цивилизации, среди них весьма уважаемые, для которых постройка Преисподних весьма впечатляющей детализации стала задачей на века и поколения. Было ли это следствием чрезмерного буквализма в верованиях, жажды актуализации религиозных кодексов, или же мирской потребности вершить над особо злостными преступниками суд и расправу даже после их кончины? Трудно сказать.

Преисподние лишь изредка соединялись с остальными Послежизнями, блаженными или адскими, и даже в тех случаях, когда такое подключение было допустимо, оно осуществлялось под строгим контролем владельцев Преисподних — обычно затем, чтобы усилить страдания пытаемых, подвергая их мукам, до которых создатели того или иного Ада так и не додумались бы без помощи инопланетных демонов, чья изобретательность обычно многократно превосходила жалкие потуги местных бесов. Очень медленно, почти наверняка — волею чистого случая, помноженной, правда, на современное дурновкусие некоторых Вовлеченных, в Галактике возникло что-то вроде сети Преисподних. Впрочем, сеть эта находилась под неусыпным контролем лиц, ответственных за взаимодействие виртуальных пространств, и оставалась неполной, ущербной. Однако это не мешало шириться слухам о ее существовании и условиях пребывания мертвецов в ней.

Мало-помалу это создало изрядные трудности. Многие виды и цивилизации, откуда бы они ни произошли, положительно отнеслись к самой идее Преисподних. Однако не меньше выискалось и тех, кому сама мысль о пытках, а тем более о том, чтобы подвергать мучениям существа из Виртуальных Пространств, в общем-то задуманных как райские кущи, казалась извращением, постыдным и позорным проявлением крайнего садизма и жестокости. *Нецивилизованности* — наверное, это было бы наилучшим термином. А в таких обществах термин этот применяли с очень большой оглядкой.

Культура была крайне низкого мнения о таких обычаях, где бы ни имели место пытки — в Реальности или в Виртуальности, и оказалась вполне готова поступиться краткосрочными — а хотя бы и долгосрочными — интересами, чтобы положить им конец. Этот с очевидностью непрактичный подход отвратил многих деловых людей от Культуры. Однако он был характеристичной особенностью этой цивилизации чуть ли не с момента ее зарождения. Так что не было особых оснований расценивать такую политику как временное моральное помутнение рассудка и считать ее чем-то преходящим. Как следствие, в течение многих тысячелетий несвойственный в общем-то Культуре жесткий подход привел к заметному сдвигу к либеральному и даже альтруистическому концу морально-этического спектра во всем галактическом кластере метацивилизаций. Пытки постепенно стали отождествляться с варварством.

Реакция оказалась предсказуемо разнородной. Некоторые цивилизации, представлявшие Преисподним хостинг, пошли на попятную и отказались от продолжения сотрудничества. Как правило, это были виды, которые с самого начала отнеслись к идее без особого энтузиазма, и среди них те, кто принял ее, руководствуясь лишь (ошибочным) мнением, будто все развивающиеся общества должны поступить именно так, и не желая оказаться среди отстающих. Нашлись цивилизации, которые попросту проигнорировали всю шумиху и сообщили, что это их частное дело. Остальные же закатили истерику, поскольку конституции повелевали им не упускать ни единой возможности для демонстрации того, как они Уязвлены до Глубины Души. Истерика сводилась главным образом к обвинениям в этическом империализме, недопустимом смешении разнородных культур и напоминаниям о возмездии, могущем воспоследовать за Проявлением Открытой Враждебности. Некоторые из них впоследствии — иногда спустя очень значительный срок — все же дали себя убедить в недопустимости идеи Ада. Но не все. И так, Преисподние продолжали существовать, а значит, вносить сумятицу в межцивилизационную дипломатию.

Даже тогда некоторые цивилизации находили возможность, на словах устранившись от хостинга Преисподних, на деле снабжать других технологиями, необходимыми для поддержания их стабильности.

Как правило, технологии эти вряд ли были бы развиты цивилизацией-акцептором при нормальном ходе событий, так что трюк этот следовало применять с осторожностью.

Несколько цивилизаций-Альтруистов, не стесняясь в выборе средств, предприняли попытку взломать программный код Преисподних, находившихся на хостинге у менее развитых в технологическом отношении соседей. Они намеревались освободить, а если не получится — стереть заточенные там души, но столкнулись с непредвиденными препятствиями и даже спровоцировали верени-

цу локальных войн.

В конечном счете было решено, что лучшим способом разрешения проблемы станет война.

Но большинством голосов участников с обеих сторон постановили, что война эта будет проходить в тщательно контролируемом арбитрами сегменте Виртуальной Реальности, а победитель получит право распорядиться судьбой Преисподних по своему усмотрению.

Если бы победили Гееннисты, к фракции Альтруистов не применялись бы никакие санкции, но Преисподние продолжали бы существовать. Возьми же верх Альтруисты, им было бы разрешено отключить всю систему Преисподних, поддержкой которой занимались их противники, на веки вечные.

Обе стороны считали себя более достойными победы. Альтруисты полагали, что они более развиты в целом (а это преимущество так или иначе отразилось бы в конструкции боевых симуляторов). Гееннисты же считали себя более здоровой, менее подверженной пагубе декаданса группировкой, и полагали, что по самой своей природе лучше приспособлены для войны. У них, кроме того, был в рукаве скрытый козырь: некоторые цивилизации, официально не считавшиеся хостерами Преисподних, но втайне занятые в этой области, были вынуждены ввязаться в конфликт и после долгого разбирательства отнесены к той стороне, на какую их поставил регламент. Естественно, обе стороны полагали, что правда за ними. Но ни одна не сохранила достаточно наивности, чтобы полагать, будто это как-то скажется на исходе войны.

Битва началась.

Она проходила во множестве тщательно запрограммированных и постоянно контролируемых сторонними наблюдателями виртуальных пространств. Наблюдатели эти принадлежали к расе Ишлорсинами и были известны повсюду в Галактике своей неподкупностью, спартанским образом жизни, почти полным отсутствием чувства юмора, а также чувством долга, которое представители большинства остальных нормальных цивилизаций находили решительно патологическим. В положительном смысле.

Но конец войны был уже недалек. И Ватуэйлю казалось, что победит в ней отнюдь не та сторона, чьи цвета он защищал.

Это и впрямь оказалась миниатюрная боеголовка, но боезапас ее был не очень велик. С помощью одноразовых сенсоров на поверхности бронированных Главных Оружейных Кабин — главный сенсорный купол автоматически втянулся в броню — он наблюдал, как все произошло. Три субъединицы сошлись вместе за миг до того, как взорвалась основная боеголовка, нацеленная на тот участок помещения, где он раньше укрывался. Ему было трудно судить, что бы случилось с ним — то есть с той вещью, внутри которой он сейчас пребывал, — если бы он остался там, где укрывался. Возможно, он бы и выжил. А может быть, и нет.

Пол ангара содрогнулся от взрыва.

Тому месту, где он раньше находился, был нанесен значительный ущерб. Перекрытия точно жучки-древоточцы изъели, потолок раскалился сперва дожелта, а потом добела.

В нескольких местах потолок оказался продырявлен и выпучен наружу, но теперь медленно проседал обратно под влиянием гравитации, созданной собственным вращением Зброшенной Космофабрики.

Неопознанный Объект Высокой Плотности, за которым он прежде нашел себе укрытие, был почти полностью разрушен и частично испарился. То, что от него оставалось, медленно сползло по полу ангара, пока не натолкнулось на ранее уже поврежденную и торчавшую вверх изломанную секцию.

Он все еще там! (Другой голос № 4.)

Сними его, Галтон.

Ослепительно яркая бело-желтая линия прочертила пространство ангара, вырвавшись из дыры в потолке и вонзившись в нагромождение механизмов, за которыми ранее занимал позицию Ватуэйль. Возник белый плазменный шар. Шар начал расширяться. Раскаленное облако металлических частиц вырвалось в вакуум, унося за собой сиявшие желтым светом ошметки пола. Некоторые достигали метра в длину. Обломки пола неслись на самых разных скоростях. Проще всего было бы сказать, что эти скорости были очень велики.

Он увидел, как один из обломков направляется в его сторону. Обломок один раз срикошетил от пола, а другой раз — от потолка.

У него было слишком мало времени, чтобы среагировать.

Возможно, если бы он не стоял на согнутых ногах, то сумел бы уклониться. Обломок вонзился в бронированное тело, внутри которого находился он сам. Это столкновение возымело тяжкие последствия. Если бы обломок столкнулся с плоской поверхностью или же кромкой брони, последствия эти были бы легче. К сожалению, он поразил его в самую верхушку, чуть в сторону от центральной оси. Переданный момент импульса заставил его завертеться вокруг этой оси. Обломок срикошетил еще раз и врезался в плечевую секцию, возле левого Основного Орудия.

Все вокруг затряслось.

Его поле зрения заполнили предупреждения контрольных систем, но тут в него врезалось еще что-то, двигавшееся на сравнительно низкой скорости, но обладавшее высоким моментом инерции. Удар был сокрушительным.

Выеби себя, гребаная сука! Выеби, выеби, выеби, выеби, выеби! (Умник.)

Сэр, боезапас орудия исчерпан. (Галтон.)

Вот блядь, я думал, у меня щас кишки вывалятся через эту ебаную броню. (Другой голос № 2.)

Ага, это его проняло. Проняло эту ебаную говноэжорскую Бронированную Боевую Единицу. (Другой голос № 3.)

Получай, получай, получай, получай, блядь, ебаная сука. Получай, гребанный трехногий космотанковый хуесос. (Умник.)

Э, там внутри офицер, как никак. Не допускайте нарушения субординации, сэр, пожалуйста. (Другой голос № 2.)

Так, спокойно все! Эти штуки очень живучи.

Он был поврежден. Механизм, которым он был, пребывал в состоянии, далеко от оптимального. Этот механизм назывался Бронированной Боевой Единицей.

Защитный купол серьезно пострадал при столкновении с кинетическим снарядом и не откидывался. Верхний сенсорный купол тоже не удалось выдвинуть. Его левая Главная Оружейная Кабина была оторвана при столкновении с обломком. Четыре Вторичных тоже не работали. Верхнее вторичное орудийное кольцо оказалось неработоспособным, как и основной источник питания. Он не

знал, как это случилось, но тем не менее это произошло. С этим ничего нельзя было поделать. Теперь он не мог нормально переставлять ноги. В Первой ноге еще оставались запасные источники энергии, и это было все. Сколько именно мощности было в его распоряжении, он оценить не мог. Не мог и понять, каков теперь его боезапас.

По всей видимости, в него врезались какие-то фрагменты тяжелого оборудования, провалившиеся с одного из верхних уровней. Это и были те самые предметы, обладавшие высоким моментом инерции. Вдобавок создавалось впечатление, что какие-то металлы, конденсируясь из плазменного облака, сплывили определенные части его механизма с другими частями, а те части — с полом ангара.

Он выдвинул запасной комплект одноразовых сенсоров и переместил его к правому плечу. Это было все, что у него оставалось.

Ему придется оставаться там, где он находится сейчас. Он все еще мог повернуть корпус, но ощущения, возникавшие при этом, были весьма неприятны. Он не мог двигаться плавно и уходить с линии огня. Его поле зрения значительно сузилось, так как, когда он стоял на полусогнутых, нижний сенсорный купол находился в тени пары обездвиженных теперь ног.

Ну что ж, солдат Драйзер, я верю, что вы проявите себя с лучшей стороны.

Да, сэр! (Умника звали Драйзер.)

Фигура возникла в проходе с закругленным сводом, с трудом удерживая равновесие на всех четырех конечностях и держась очень низко, почти припадая к полу ангара. На закорках у нее было кинетическое ружье средней дальности. Ствол ружья ходил туда-сюда. Ватуэйль позволил фигуре продвинуться довольно далеко, почти до зиявшей в полу дыры с искореженными краями. Затем тихо метнул первую гранату "свечкой" наперерез траектории движения фигуры, чтобы та приземлилась прямо перед дырой. Магнитный пускатель сработал бесшумно. Затемнитель окутал все пространство, намеченное им для атаки. Теперь солдат ни при каких условиях не мог бы заметить гранату, которая приближалась к нему по криволинейной траектории, оканчивавшейся в вакууме снаружи. Затем он запустил вторую гранату с таким расчетом, чтобы она поразила верхний сегмент брони фигуры, если та остановится ... вот в той точке. Первая граната упала на пол ангара в двух метрах впереди солдата и сдетонировала. Он увидел вспышку и ощутил сотрясение пола. Фигура остановилась и развернулась вокруг оси. Солдата должно было осыпать градом милли- и сантиметровых осколков.

Крик. (Это кричал Драйзер.)

Ружье, установленное на спине солдата, выстрелило дважды, когда сдетонировала первая граната. После этого с полом столкнулась вторая граната. По первоначальному плану Ватуэйля она должна была попасть фигуре прямо в голову, но вместо этого упала примерно в полуметре слева и в полуметре впереди. Это произошло потому, что его сенсоры работали ненадежно. К тому же солдат отбросило назад разорвавшимися фрагментами первой гранаты. Тем не менее вторая граната успешно разорвалась. От этого голова фигуры качнулась назад, как если бы та получила удар в лицо. Это значило также, что взрыв гранаты снес и разметал на осколки шлемовизор Драйзера, приведя к немедленному по-

нижению давления внутри брони. Фигура повалилась на пол, как мешок, и не шевелилась более. Она также не издала ни единого звука.

Драйзер?

Блядь. (Другой голос № 2.)

Драйзер?

Сэр, я думаю, он наступил на какую-то ловушку, расставленную этим ублюдком. Эта штука наверняка мертва. Должна быть. (Другой голос № 4.)

Сэр? Осмелюсь напомнить, что сюда скоро заявятся очень плохие парни. Нам нужно закрепиться внутри любой ценой. Даже если она там спряталась. (Галтон.)

Я помню об этом, Галтон. Ты вызываешься пойти следующим?

Сэр, мы с Ковюком думаем, что лучше было бы принять бой на нижнем уровне при поддержке клонодублей. Сэр? (Галтон.)

ОМГ, Галтон. (Он не понял, что значит ОМГ.)

Две фигуры проникли сквозь дыру в потолке. Их темные доспехи слегка подсвечивало оранжевое сияние, все еще исходившее от раскаленных обломков того, что было некогда потолком ангара и полом верхнего уровня.

Ватуэйль мог бы сразу снять их обоих, но он слышал, о чем они говорили, и подумал, что то, о чем они говорят, означает, что они считают его мертвым. Если это и в самом деле так, пускай считают его мертвым и дальше. Возможно, следует позволить им проникнуть в то же Временное Тактическое Пространство, которое он занимает сейчас. Так будет проще атаковать и уничтожить их.

Трапеция, сообщало послание. Ватуэйль не удивился. Он и сам подумывал туда отправиться.

Он оставил в Рабочем Пространстве Первичной Стратегической Оценки свою стандартную оболочку и переместился в пространство, называемое Трапецией. На пути туда были расставлены многочисленные манки и ловушки. Пользуясь привычными кодами доступа, он почти не задумываясь отметал их с дороги, словно лепестки увядших цветов.

Они наконец собрались впятером и теперь сидели за чем-то вроде столов трапециевидной формы. Конструкции эти были к чему-то привязаны — вверх от них во мрак тянулись веревки — и висели в непроглядной темноте. Ни стен, ни полов, ни потолков, куда ни глянь. Прозрачный намек на секретность, символ режима автономной работы... что-то в этом роде.

Он не знал, почему удостоился права заседать здесь, по какой именно причине стал одним из них. В конце концов, он привык к относительно высокой силе тяжести и от рождения боялся падать с высоты большей, чем пара миллиметров.

Для этой встречи каждый изменил облик, но он знал, кто были те четверо, и полностью доверял им. Оставалось надеяться, что и ему доверяют в той же мере.

Он принял обличье покрытого мехом большеглазого животного на четырех лапах, каждая из которых оканчивалась тремя сильными когтистыми пальцами. Они все предпочитали являться под личинами существ с несколькими конечностями, изначально приспособленных к жизни на деревьях, на дне гравитационного колодца. Он понимал, что выглядит очень странно в глазах двух выходцев из водного мира, также присутствовавших на совещании, но в Виртуальной Реальности это было вполне обычным делом. Чтобы отличаться друг от друга, они

выбрали себе разные цвета. Он, как обычно, явился в красном.

Он оглядел собравшихся.

— Мы проигрываем, — сообщил он без предисловий.

— Ты всегда так говоришь, — заметил желтый.

— Не всегда, — возразил он, — когда ситуация была иной, вы не слышали от меня таких слов. И только когда я понял, как повернулось дело, то дернул за веревки и забил в колокола.

— Печально слышать, — сказал желтый, в свою очередь осматриваясь.

— Проигрываем часто в самом деле, — сказал зеленый.

— Пора нам принять облик, подходящий для неумех, — согласился пурпурный, тяжело вздохнув.

Он взобрался по одной из боковых веревок и стал раскачиваться на ней. Трапециевидный стол пришел в медленное колебательное движение.

— Так что? Пошли на следующий уровень? — поинтересовался зеленый.

Последние несколько совещаний они были немногословны, хотя прежде, бывало, до хрипоты обсуждали общую ситуацию и вновь открывшиеся перспективы. Было лишь вопросом времени, когда баланс сил при голосовании переменится или кому-нибудь из пятерки все вконец надоест. Тогда надо будет сформировать новый, еще более тесный подкомитет и передать ему все полномочия.

Все клятвенно уверяли друг друга, что этого не случится, но уверенности ему такие клятвы не прибавляли.

Они посмотрели на синего.

Синий отличался нерешительностью. Он всегда голосовал против решения, условно обозначаемого как "переход на следующий уровень", но ни для кого не было тайной, что из троих противников такой резолюции он больше других склонен переменить точку зрения под влиянием обстоятельств.

Синий почесал себя против шерсти длиннопалой лапой, потом обдул пальцы. Все они давно уже выработали консенсус относительно того, как близко будет поведение трех личин к повадкам оригиналов, обитавших в джунглях.

Синий испустил тяжелый вздох.

Услышав его, Ватуэль понял, что они победили.

Синий с неприкрытым сожалением воззрился на желтого и пурпурного.

— Мне жаль, — сказал он, — в самом деле жаль.

Пурпурный покачал головой и принялся что-то озлобленно искать в густой шерсти.

Желтый разочарованно заухал и заулюлюкал. Утихомирившись, он молча прыгнул во тьму, описал круг вокруг трапеции и стал удаляться, быстро превращаясь в едва различимое пятнышко. Но даже когда пятнышко исчезло, стол, за которым восседал желтый, все еще продолжал раскачиваться в каком-то диком танцевальном ритме.

Зеленый уцепился за веревку одной лапой и поглядел в бездну.

— И даже не удосужился формально проголосовать, — заметил он.

— А что бы это изменило? — досадливо ответил пурпурный. — Я с ним вообще-то согласен.

Он оглядел товарищей.

Какое-то время они молча наблюдали за реакциями друг друга.

— Но я не присоединюсь к нему... может быть, из протеста, но главным образом — чувства дружеской солидарности и... отчаяния. Думаю, мы еще пожалеем об этом решении.

Он снова глянул вниз.

— А кому сейчас легко? — спросил зеленый, не ожидая ответа.

Помедлив, он добавил:

— Ну что, переходим на следующий уровень?

— Да, — сказал синий. — К подковерным интригам.

— Взлом, проникновение в ряды противника, саботаж — тоже часть искусства войны, — пробормотал зеленый.

— Но прощения нам не будет, — указал пурпурный, — ибо мы нарушим клятву.

— Если мы победим, наша честь вообще не пострадает, — ответил зеленый непреклонным тоном. — Но сейчас мы стоим перед выбором иного рода: либо почетная капитуляция во имя чести, либо ... попытка, дающая нам хоть какие-то шансы на победу. Результат, какими бы средствами ни был он достигнут, оправдывает возможное самопожертвование.

— Если он будет, этот результат.

— На войне нет никаких гарантий, — сказал зеленый.

— Да нет, вообще-то есть, — тихо заметил синий, продолжая неотрывно глядеть во тьму. — На войне гарантированы смерть и разрушение, боль и страдания, угрызения совести и раскаяние.

На миг воцарилась тишина. Каждый остался наедине с собственными мыслями.

Затем зеленый потянул за веревки, отходившие от углов его трапеции.

— Хватит судачить. Нам нужен план. Продуманный и детализированный.

Они не видели его. Двое приблизились к тому месту, где боеголовка исторгла комок плазмы. Один склонился над трупом солдата по имени Драйзер. Другой оставался там, где он не мог его видеть, а еще двое опустились на колени всего в десяти метрах перед ним и изготовились стрелять. От прохода с закругленным сводом их отделяло двенадцать метров.

Эй, тут какая-то чушка от этого ублюдка отвалилась. Одно из его орудий. (Другой голос № 2.)

Двое стоявших на коленях солдат оглянулись — посмотрели почти точно на него, но не заметили. Это было очень кстати. Теперь он мог определить, где может находиться обладатель Другого голоса № 2.

Да тут вообще полная жопа, извините, сэр. (Галтон.)

Один из парочки, стоявшей на коленях, продолжал смотреть во тьму в его направлении, а другой отвернулся. Казалось, что солдат смотрит прямо на него.

Есть еще какие-то фрагменты?.. Это был тот, кто называл себя майором К'Найвой. Ружье майора поднялось в боевую позицию и нацелилось как раз в сторону Ватуэйля.

Он выстрелил.

Он разрядил обе лазерные винтовки, какими еще мог орудовать, в двоих солдат, изготовившихся стрелять с колен. Залп был произведен в расчете на большой радиус поражения, но все же энергия импульса поглотилась почти полностью.

Несколько целей были поражены лишь частично. Так, майор К'Найва, по всей вероятности, успешно заслони́л собой солдата, говорившего Другим голосом № 4.

Он выпустил по ним пару миниракет, используемых для атаки Легковооруженных Летательных Аппаратов/Противобронетанковых Пехотинцев.

Одновременно он переместил оставшуюся активной Главную Оружейную Кабину в позицию, удобную для обстрела той части ангара, где он укрывался прежде и где сейчас располагались Галтон и Ковюк. Затем он выстрелил из электромагнитной рельсопушки в режиме Максимального Углового Поражения.

Миниатюрные гиперкинетические снаряды разнесли в пыль уже пострадавшую ранее секцию пола, а также перекрытия и потолок над этим местом. Производя перепозиционирование орудий Главной Оружейной Кабины, он смог примерно отследить передвижения солдат, ранее занимавших позиции для стрельбы с колен над трупом солдата по имени Драйзер. Он выпустил по ним три Общецелевых Осколочных Высокоэкспозивных Реактивных Миниснаряда Промежуточной Поражающей Способности. Затем он зарядил пять оставшихся у него Осколочных Миниснарядов Промежуточной Поражающей Способности в электромагнитную рельсопушку и выстрелил, отключив пускатель почти сразу после того, как снаряды вылетели из жерла. Благодаря этому снаряды упали на участке, не охваченном ранее его полем зрения.

С самого начала стычки он не переставая забрасывал дымовыми шашками, а также гранатами с инфракрасным и радиолокационным самонаведением или системой селекции движущихся объектов тот участок ангара, где, по его предположениям, укрывался обладатель Другого голоса № 2. Этот участок располагался позади него.

Несколько гранат срикошетили от потолка и не попали в цель, но он счел эти потери не слишком важными.

Солдат, называвший себя майором К'Найвой, и фигура, которую он засланил собой, исчезли в пламени взрывов пары миниракет.

Не поддававшиеся идентификации булькающие вопли, вероятно, исходили от Галтона и Ковюка. Вопли эти вскоре утихли — рельсопушка продолжала пожирать пол, перекрытия и потолок ангара. Миниснаряды Промежуточной Поражающей Способности взорвались в центре помещения, и оттуда поднялось распухающее на глазах облако газов и строительного мусора. Двое солдат исчезли в снопах огня, один из них — Драйзер — уже был мертв.

Еще несколько Осколочных Миниснарядов Промежуточной Поражающей Способности взорвались слева и позади, заполнив дальний угол ангара быстро рассеявшимся облачком плазмы, газа и шrapнели.

Он прекратил огонь.

Боезапас рельсопушки уменьшился на 60 процентов.

Осколки летали во всех направлениях, сталкивались, рикошетировали друг о друга и отлетали назад, кувыркались и выделяли коленца, а затем падали неподвижно.

Облако газов постепенно рассеялось. Большая часть его выплыла наружу через широкий проход с закругленными стенами, за которым виднелась огромная светлая бело-синяя планета.

Он не слышал никаких сигналов.

Те следы присутствия здесь солдат, какие он еще мог видеть, были не вполне ясной природы и очень маленьких размеров.

Когда миновало почти девять минут, он приложил всю оставшуюся в единственной рабочей ноге энергию и попытался высвободиться из-под фрагментов тяжелого оборудования, которые свалились сверху и медленно продавливали его броню. Эта попытка не увенчалась успехом. Он понял, что оказался в ловушке.

Вероятность того, что солдат, прятавшийся в ангаре где-то позади, остался жив, была, по его оценке, довольно высока. Но попытки освободиться, в ходе которых он сумел сдвинуть с места кое-какое оборудование, наваленное вокруг него и упавшее сверху, не привлекли ничего внимания.

Он сел на пол и стал ждать.

Он надеялся, что еще успеет немного полюбоваться на прекрасную планету.

Новые враги явились через полчаса. Это были другие солдаты. В доспехах другого типа, оснащенных иным вооружением.

Впрочем, они не дали верного ответа на позывной ИСЧ, поэтому их он тоже атаковал.

Когда его выбросило из ангара в вакуум в облаке плазмы, он уже был почти полностью ослеплен и ничего не ощущал. Только внутренние сенсоры температуры и смутное ощущение силы, пока что слабой, но постепенно возрастающей в одном направлении, подсказывали, что он падает в атмосферу прекрасной и светлой, белой и синей планеты. Температура внезапно выросла до значений, угрожавших функционированию его силовой установки и центров обработки информации. Тем обиднее это было, что с повреждениями, полученными в бою, он уже кое-как свыкся.

Его центральный процессор должен был вскоре отказать или расплавиться. Это произойдет через восемнадцать секунд.

Нет, через одиннадцать.

Нет, через девять.

Восемь.

Семь.

Нет. Оставалось уже три секунды.

Две.

Одна.

Он успел еще подумать, какое наслаждение ему доставила панорама прекрасной...

Он вернулся в симуляцию внутри симуляции, называемую Рабочим Пространством Первичной Стратегической Оценки. В пространстве Трапеции обсуждались общие детали плана, который так или иначе мог положить конец войне.

А здесь они все еще продолжали наблюдать за тем самым участком театра военных действий, над рапортами с которого корпели, когда он исчез.

— Это ведь и твое старое поле боя, не так ли, Ватуэйль? — спросил один из представителей Высшего Командования.

Он смотрел, как снова и снова прокручивается зацикленная запись никому не нужного боя среди сталкивающихся скал и глыб космического льда.

Ракеты проносились во тьме среди миллионов крутившихся по своим орбитам каменных обломков. Полыхали жерла орудий. Войска наступали и отступали.

— Поле боя? — переспросил он и тут же узнал это место.

Он износил множество личин на этой войне. Он много раз умирал внутри симулятора, иногда из-за ошибок, накопившихся в приложениях или сценариях персонажей, а чаще — по вине высокопоставленных командиров. Доводилось ему и жертвовать собой. Сколько же субъективных жизней он отдал этой войне?

Он давно потерял им счет.

Разумеется, здесь, в обители мертвых, обреченных на бесконечную битву ради спасения падших душ, дополнительные смерти были бы сущей нелепицей. Они были отменены, и после гибели на срочной службе данные о всей воинской карьере солдата проходили процедуру тщательного пирингового рецензирования. Участвовали в ней и эксперты-Разумы. Проявил ли он смелость? Бережливо ли расходовал боеприпасы и прочее снаряжение? Сохранял ли спокойствие и выдержку под вражеским огнем? Из ответов на эти вопросы извлекались полезные уроки. Солдат воскрешали, чтобы они могли сражаться снова и снова, спускаться или подниматься по ступенькам воинской иерархии в зависимости от того, как проявили себя в ратном деле. Поставленные перед ними задачи тоже постепенно менялись.

Ватуэйль проложил себе дорогу наверх. Сперва его восхождение было медленным, но потом стало убыстряться. Даже если его участие в том или ином столкновении оканчивалось смертью, поражением, он неизменно делал все, что мог. Он выжимал все возможное из тех ресурсов, какими располагал, и преимуществ, которыми обладал в соответствии с начальной конфигурацией симулятора. Он проявил весьма ценное качество — изобретательность.

Его первое воплощение завершилось катастрофическим провалом. Даже не зная, что попал в симулятор, не имея ни малейшего понятия, для чего и с кем сражается, он — солдат саперного отряда — позволил завербовать себя агентам неприятеля, а затем — после пыток — бесславно погиб. Тем не менее отыскивались и обстоятельства, которые можно было зачесть в его пользу. Он всерьез думал о том, чтобы пройти через облако ядовитого газа, а не пустился в бегство. И тот факт, что прежде он проявлял себя надежным и непоколебимым в устремлениях солдатом, также прибавил ему баллов, даже если он — вынужденно — и перешел на сторону неприятеля, а не вернулся сразу же к своим. Этот переход в конце концов приписали боевой обстановке, в какой он очутился. Представители Высшего Командования все же пришли к выводу, что первоначальное суждение по его делу было вынесено поспешно, оказалось слишком суровым и чрезмерно заостряло внимание на вопросах секретности.

И да, здесь — в открытом лабиринте расколотых лун, дрейфующих скал, заброшенных космических заводов и пустых складов, много комбатант-поколений назад — он тоже вступил в бой.

И вновь вердикт был вынесен в его пользу. Хотя он и повернул оружие против своих же товарищей — и сражался с ними даже слишком успешно, — его вины в этом не было. Он даже не был собой в строгом смысле слова. Он был очень правдоподобной галлюцинацией, загруженной в боевой сценарий — но не полностью, так что боевая единица, которой он частично стал, не могла корректно идентифицировать позывные "свой-чужой". Но ведь и в таком урезанном виде его личность проявила себя с лучшей стороны, в военном смысле слова, продемонстрировала воображение и даже зачатки тактической изобретательности.

По результатам этого разбирательства он был удостоен повышения.

О да, это было то же место. Все еще спорная территория. Ни одна из последовательно отгремевших здесь, среди каскада кувыркающихся скальных обломков и металлического мусора, вылетевшего из заброшенных орбитальных космофабрик, битв не принесла убедительной победы ни одной из сторон. Он смотрел на нее, вспоминая и думая о солдатах, таких же, как старая версия его собственной личности. Они по-прежнему работали, сражались и умирали там.

— Мы должны принять решение, — сказал тот, кому на этом совещании выпало быть председателем. — Преследовать их, закрепиться на достигнутых позициях или оставить этот район?

Его бестелесная голова видела сразу всех и фокусировала взгляд на каждом участнике совещания одновременно — в симуляции это, разумеется, не составляло труда.

Он проголосовал за то, чтобы покинуть район, хотя и не без колебаний.

Именно такое решение и было принято с перевесом всего в один голос. Он ощутил что-то вроде бурного разочарованного восторга и подумал, что, наверное, столь странная смесь противоположных эмоций возможна только в симуляции. Он так давно не жил по-настоящему, что не мог быть больше уверен в этом.

Но все это не имело значения.

В конечном счете, что они такого сделали?

Приказали войскам уйти с поля битвы среди симулированных астероидов и симулированных орбитальных фабрик в ничем не примечательной симулированной системе, которая была в эту симулированную эру частью одной из симулированных версий одной из симулированных Галактик.

Он почувствовал, что ему надо бы устыдиться такого поступка, но не смог.

Что значит еще одно предательство, если их уже было так много?